

ЗЕЙНЕП КЕЗЕР

ГЕОМЕТРИЯ ВЛАСТИ

АРХИТЕКТУРА,
ПЛАНИРОВКА
И ИДЕОЛОГИЯ
ТУРЕЦКОЙ
РЕСПУБЛИКИ

Зейнеп Кезер

Геометрия власти. Архитектура, планировка и идеология Турецкой республики

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73936437

*Геометрия власти. Архитектура, планировка и идеология Турецкой
республики: Москва; 2026
ISBN 978-5-389-33195-2*

Аннотация

1920-е годы. На обломках величайшей империи, проигравшей мировую войну, рождается новое государство. Его отцы-основатели во главе с Мустафой Кемалем Ататюрком ставят перед собой титаническую задачу: в кратчайшие сроки превратить разрозненное мультикультурное наследие Османской Порты в монолитную, современную, светскую нацию. Но как заставить людей объединиться? Как дать им почувствовать себя неделимым целым? Эта книга дает однозначный и шокирующий ответ: через радикальную перекройку самого пространства.

На страницах масштабного исследования британской ученой Зейнеп Кезер оживает грандиозный социальный эксперимент: вы увидите, как строительство новой столицы, Анкары, ее школ, вокзалов, улиц и административных зданий шло рука об руку с методичным стиранием культурного, этнического, религиозного

достояния старой империи. Это история о том, как архитектура и градостроительство стали главным оружием в борьбе за умы и сердца людей, породив не только блестящие достижения, но и болезненные травмы, отголоски которых слышны в Турции до сих пор.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Примечания к именам, произношению и источникам	7
Введение: сомнения и противоречия	10
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Зейнеп Кезер
Геометрия власти.
Архитектура,
планировка и идеология
Турецкой республики

Моим родителям, Айдыну и Гюлер Кезер

Zeynep Kezer

BUILDING MODERN TURKEY

State, Space, and Ideology in the Early Republic

Опубликовано с согласия University of Pittsburgh Press,
7500 Thomas Boulevard, 4th Floor, Pittsburgh, PA 15260,
U.S.A.

© University of Pittsburgh Press, 2015

© Николаева А. И., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУ-
КА», 2026

КоЛибри®

* * *

Зейнеп Кезер показывает, как пространство прежней Османской империи было полностью реорганизовано в период [Турецкой республики]. Она наглядно демонстрирует, что подобное переустройство стало целенаправленной попыткой стереть следы старого общества и культуры. Поистине оригинальный вклад в историю современной Турции.

Решат Касаба, специалист по истории и политике Ближнего Востока

Обязательно к прочтению всем, кто интересуется взаимосвязью между национализмом, современностью и городским пространством.

Свати Чаттопадхай, архитектор и историк архитектуры

Примечания к именам, произношению и источникам

В Турции фамилии появились только после 1934 года в рамках республиканских реформ, направленных среди прочего на сбор более точных сведений о населении. Хотя в этой книге рассказывается о событиях, происходивших до принятия таких изменений, у всех героев указываются полные имена без круглых скобок, с помощью которых в турецких публикациях показывается, что человек взял фамилию после описываемого указа. Единственное исключение – Мустафа Кемаль Ататюрк, которого я называю как по фамилии, так и по двум его именам.

В турецком алфавите некоторые буквы имеют диакритические знаки, а какие-то произносятся иначе, чем в английском. Ниже приводится памятка:

С, с – как *j* в английском

Ç, ç – как *ch* в английском

Ğ, ğ – мягкий *g*, как *gh* в слове *through*

İ, ı – как *e* в слове *summer*

Î, î – как *i* в слове *it*

Ö, ö – как *ö* в немецком, часто пишется как *æ* в английском

Ş, ş – как *sh* в слове *English*

Ü, ü – как *ü* в немецком, часто пишется как *ue* в английском

Далее идет руководство по архивным источникам.

Resmî Gazete¹, официальный государственный бюллетень: законы вступают в силу только после их публикации в Resmî Gazete. Везде, где есть ссылка на принятый закон, используется турецкое обозначение публикации: Çiftçiyi Topraklandırma Kanunu[название закона], Resmî Gazete[название издания], No. 6032[номер выпуска], июнь 15, 1945[дата публикации], article no. 4753[номер закона].

Протоколы Великого национального собрания (TBMM Zabıt Ceridesi): это многотомное собрание протоколов дебатов в Великом национальном собрании. Расшифровка для поиска информации: TBMM Zabıt Ceridesi[название издания], Devre VI[номер сессии], Cilt 17[номер тома], İçtima 45[номер заседания], С. 132[номер страницы] (апрель 28, 1941 год)[дата заседания].

Başbakanlık Cumhuriyet Arşivi (архивы республики): похоже, не существует единого способа ссылки на материалы архивов республики (Başbakanlık Cumhuriyet Arşivi, ВСА в примечаниях в конце). Я использовала условные обозначения, встречающиеся в публикациях школы политических наук Университета Анкары: ВСА: [название архива] 30.

¹ Официальная газета (тур.) – Здесь и далее, если не указано иное, прим. ред.

10.0.0[источник материала (fon по-турецки)] / 139.997. 4.
[расположение] / 13341[номер папки].

Введение: сомнения и противоречия

20 октября 1937 года во дворце Долмабахче в Стамбуле Мустафа Кемаль Ататюрк, основатель и первый президент Турецкой Республики, открыл выставку, посвященную истории страны². Увеличенный бюст правителя из зеленого мрамора встречал посетителей у входа, располагался в нише и служил центральным элементом вводной части экспозиции. Под ним на полу лежала гигантская карта Евразии с серией концентрических кругов, исходящих из Центральной Азии. Согласно новоиспеченному положению об истории государства, именно здесь зародился турецкий народ и последовательными волнами распространился по остальному миру, принося цивилизацию на другие земли, где в конечном счете поселился. В 1931 году, когда Ататюрк впервые приступил к осуществлению амбициозного проекта по созданию «национальной истории», лидер произнес слова, которые легли в основу этой карты: «*Писать историю так же важно, как и *вершить**: если авторы не будут верны творцам, то непреложная истина настолько исказится, что может

² Специальный выпуск в честь второго Турецкого исторического конгресса и выставки, посвященной прошлому страны, которые проходили 20–26 сентября 1937 г.: Turkey: Matbuat Umum Müdürlüğü // L'Exposition d'Histoire. La Turquie Kemaliste, 1937. No. 21–22. P. 13–22.

запутать человечество»³. Предполагалось, что выставка, на которой использовались карты, фотографии, рисунки и артефакты археологических раскопок по всей стране, должна была послужить материальным воплощением исторического тезиса, согласно которому «турецкая раса» на протяжении веков находилась на переднем плане мирового исторического развития⁴.

³ По-турецки: “Tarih yazmak, tarih yapmak kadar önemlidir. Yazan yapana sadık kalmazsa değişmeyen hakikat, insanlığı şaşırtacak bir mahiyet alır.”

⁴ О творческой мобилизации понятий «история», «наследие» и «археология» в процессе государственного строительства см., в частности: *Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and the Spread of Nationalism*. New York: Verso, 1983; *Hobsbawm E. J. Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality*, 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2012; *Hobsbawm E., Ranger T. The Invention of Tradition, Past and Present Publications*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. См. также сравнительные исследования и научные работы по теме: *Weber E. My France: Politics, Culture, Myth*. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press, 1991; *Brubaker R. Citizenship and Nationhood in France and Germany*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992; *El-Haj N. A. Facts on the Ground: Archaeological Practice and Territorial Self-Fashioning in Israeli Society*. Chicago: University of Chicago Press, 2008; *Marashi A. Nationalizing Iran: Culture, Power, and the State, 1870–1940*. Seattle: University of Washington Press, 2008; *Lasansky M. D. The Renaissance Perfected: Architecture, Spectacle, and Tourism in Fascist Italy*. University Park: Pennsylvania State University Press, 2004. Для общего представления об использовании картографии в политике, в том числе для подтверждения заявлений националистов, см.: *Harley J. B. The Map and the Development of the History of Cartography* / Eds. D. Woodward; J. B. Harley. *The History of Cartography*, V. 1. Дата обращения: June 22, 2012, <http://www.press.uchicago.edu/ucp/books/book/chicago/H/bo3620863.html>; *Black J. Maps and Politics*. Chicago: University of Chicago Press, 2004; *Monmonier M. S. How to Lie with Maps*. Chicago: University of Chicago Press, 1996.

Мероприятие, организованное совместно с широко известным Турецким историческим конгрессом, длилось недолго – всего несколько дней – и привлекло довольно мало посетителей, но центральные темы экспозиции напрямую повлияли на образовательные программы, городские традиции и государственную политику, что значительно усилило влияние события⁵. По сути, выставка стала частью гораздо более масштабного дискурсивного проекта по созданию и распространению основополагающего мифа, прививающего чувство гордости за общую историю и судьбу единой нации людям, которые переживали глубокую травму и были вынуждены покинуть дома из-за долгой войны.

Безусловно, последние несколько десятилетий существования Османской империи были периодом ускоренного распада под увеличивающимся давлением различных внутренних и внешних факторов. Растущая интеграция с сетями имперского капитализма изменила географию страны и ее социальные и экономические структуры⁶. Расширяясь за счет

⁵ Об идеологически насыщенном содержании учебных программ, о котором свидетельствуют выставка и Турецкие исторические конгрессы, см.: *Copeaux E. Tarih Ders Kitaplarında (1931–1993): Türk Tarih Tezinden Türk İslam Sentezine. Istanbul: Tarih Vakfı Yurt Yayınları, 1998; Behar B. E. İktidar ve Tarih: Türkiye’de ‘Resmî Tarih’ Tezinin Oluşumu (1929–1937). Istanbul: AFA Yayınları, 1992; Childress F. Republican Lessons: Education and the Making of Modern Turkey. PhD diss., University of Utah, 2001.*

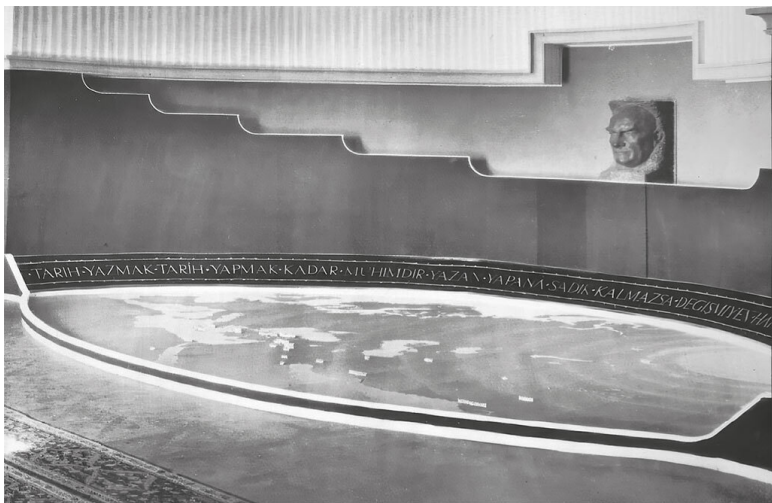
⁶ Существует обширная литература, посвященная интеграции империи в глобальные сети капитализма XIX века и тому, как они повлияли на социальные структуры и жизнь народа в целом. Общие сведения об этом процессе можно

завоеваний и присоединения различных народов, их обычаев и законов, империя исторически представляла собой плюралистическое общество, хотя и с присущей ему асимметрией в социальных структурах, что всегда благоприятствовало мусульманскому населению⁷. Однако в течение XIX века, пока многие предприимчивые представители других религий, занявшиеся торговлей и освоившие новые профессии, улучшали свое финансовое состояние, последователи ислама, несмотря на привилегированный статус, переживали упадок. Хотя на самом деле изменения в финансовом положении и статусе были более сложными и отличались в зависимости от региона, эти сдвиги усиливали негативные стереотипы с обеих сторон, способствуя росту напряженности между различными миллетами (этнорелигиозными община-

найти в кн.: *Behar B. E. Ibid.*; *Copeaux E. Ibid.*; *Childress F. Ibid.* Исследования, посвященные трансформации османских городов, см.: *Aktiire S. 19. Yüzyıl Sonunda Anadolu Kenti Mekansal Yapı Çözümlemesi.* Ankara: Orta Dogu Teknik Üniversitesi Yayınları, 1978; *Kasaba, Keyder, Tabak.* Eastern Mediterranean Port Cities and Their Bourgeoisies: Merchants, Political Projects, and Nation-States // *Fernand Braudel Center Review* 10. No. 1986 (n.d.). P. 121–35; *Çelik Z.* Empire, Architecture, and the City: French-Ottoman Encounters, 1830–1914. Seattle: University of Washington Press, 2008.

⁷ Краткое описание миллетов, этнорелигиозных общин империи и их структурных преобразований: *Göçek F. M.* Ethnic Segmentation, Western Education, and Political Outcomes: Nineteenth-Century Ottoman Society. *Poetics Today* 14, 1993, No. 3. P. 507–38. Очень важный обзор адаптивной плюралистической системы Османской империи и постепенного возникновения жестких границ между составляющими ее общинами представлен в кн.: *Barkey K.* Empire of Difference: The Ottomans in Comparative Perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

ми) внутри империи.

На открытии выставки, организованной одновременно с конференцией, представлена карта Евразии с концентрическими кругами, показывающими расселение тюркских народов на запад. *Изображение любезно предоставлено библиотекой Турецкой исторической организации*

Расширение контактов с Западом посредством конфликтов или сотрудничества также способствовало проникновению в общество идей Просвещения. Разнообразные слои населения подхватили и переосмыслили в своих целях зарождающиеся представления об индивидуальных правах, гражд-

данстве и национальной идентичности, чтобы общество узаконило новые виды политических действий и требований⁸. Такие запросы, в том числе на выход области из состава государства, поддерживали и формировали имперские державы XIX века, каждая из которых имела виды на турецкие территории и ресурсы: Великобритания, Франция и Россия стремились разделить и контролировать определенные стратегические регионы через сателлитов, в то время как Германия пыталась сохранить страну в изначальном виде, но включить ее в свою сферу влияния⁹. Сочетание этих посягательств и замыслов создало очень нестабильную обстановку, сопровождавшуюся войнами на нескольких фронтах и восстаниями на многих участках территории (особенно там, где центральная власть имела слабое влияние), что привело к большим потерям ресурсов и земель и гибели огромного

⁸ Сравнительное исследование этих изменений в пределах империи см.: *Phrankoudakē A., Keyder Ç. Ways to Modernity in Greece and Turkey: Encounters with Europe, 1850–1950.* London: I. B. Tauris, 2007. О том, как эти преобразования повлияли на общественную сферу города, см.: *Veinstein G. (ed). Selânik 1850–1918: “Yahudilerin Kenti” ve Balkanlar’ın Uyanışı.* İstanbul: İletişim, 1999; *Zandi-Sayek S. Ottoman Izmir: The Rise of a Cosmopolitan Port, 1840–1880.* Minneapolis: University of Minnesota Press, 2012. О том, как современное европейское образование повлияло на эти изменения, см.: *Somel S. A. Osmanlı Ermenilerinde Kültür Modernleşmesi, Cemaat Okulları ve Abdülhamid Rejimi.* Tarih ve Toplum: Yeni Yaklaşımlar, 2007. No. 5. P. 71–92.

⁹ *Keyder Ç. State and Class in Turkey: A Study in Capitalist Development.* London: Verso, 1987; *Barkey K. Thinking about the Consequences of Empire. After Empire: Multiethnic Societies and Nation-Building / Ed. M. von Hagen.* Boulder, CO: Westview Press, 1997. P. 94–114.

числа людей в конце XIX века. Из всей череды вооруженных конфликтов переломным моментом стало поражение в Балканской войне (1912–1913), поскольку оно означало конец османского влияния в Европе, разрушив долго поддерживаемое в умах правящего класса страны особое представление о географии имперских владений, простирающихся от Малой Азии до Балкан в центре со Стамбулом¹⁰. Будучи первым османским плацдармом в Европе, завоеванным между XIV и XV веками, Балканский полуостров считался такой же неотъемлемой частью владений империи, как и его анатолийская половина, с которой он разделял идентичные правительственные, институциональные и социальные структуры. На Балканах располагались старейшие и наиболее процветающие провинции империи, из которых вышла значительная часть военной и бюрократической элиты. С начала XIX века османы теряли позиции в регионе, но там по-прежнему проживало значительное число мусульман, которые сохраняли верность Стамбулу. После поражения на этом полуострове нескончаемый поток таких беженцев (как говорящих по-турецки, так и нет), спасающихся от этнорелигиозного насилия, главным образом со стороны панславистских и христианских сил в регионах, прилегающих к Османской империи,

¹⁰ См.: *Findley C. V. Turkey, Islam, Nationalism, and Modernity: A History, 1789–2007*. New Haven, CT: Yale University Press, 2010. Esp. Ch. 4; *Hanioglu M. Ş. The Second Constitutional Period (1908–1918)*. The Cambridge History of Turkey: V. 4, Turkey in the Modern World, 1st ed. / Ed. R. Kasaba. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 62–111.

достиг пика¹¹.

Массовый приток покинувших дом и угнетенных людей в крупные города Малой Азии привел к тому, что местные власти не справились с нагрузкой¹². Осознав, насколько реальной и близкой была угроза распада, османские политики и интеллигенция начали искать виновников – а также козлов отпущения, – на которых списали бы все беды империи. Именно в этот момент особо рьяная фракция в недавно сформированном комитете «Единение и прогресс» (ЕП) организовала государственный переворот, захватила власть и фактически установила диктатуру¹³. Потеря родины потрясла лидеров организации, и их идеи и взгляды стали радикальными. Члены партии придерживались крайне поляризованной версии национализма с сильным уклоном в сторону притеснения немусульман, который, как они теперь ожидали, проявился бы в политике¹⁴. Переворот не оставил никаких шансов османизму, более либеральной идеологии, призывающей к проведению реформ и созданию равноправного

¹¹ Findley C. V. Ibid. P. 204.

¹² Kasaba R. A Moveable Empire: Ottoman Nomads, Migrants, and Refugees. Seattle: University of Washington Press, 2009. P. 123–126.

¹³ Hanioglu M. Ş. Ibid. P. 68–70.

¹⁴ О политике и деятельности комитета «Единение и прогресс» см.: Ahmad F. The Young Turks: The Committee of Union and Progress in Turkish Politics 1908–1914. London: C. Hurst, 2009; Hanioglu M. Ş. A Brief History of the Late Ottoman Empire. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2008; Idem. Op. cit.; Zürcher E. J. The Young Turk Legacy and Nation Building: From the Ottoman Empire to Atatürk's Turkey. London: I. B. Tauris, 2010.

плюралистического общества. Поскольку руководители ЕП, начиная со школы, поддерживали тесные связи с Германией (в рамках как военного, так и образовательного сотрудничества), захват власти также привел империю к более тесному союзу с гитлеровской коалицией (Германией и Австро-Венгрией), которая тогда только формировалась.

Решение партии вступить в Первую мировую войну на стороне нацистского блока – с ясным намерением вернуть утраченные земли – обернулось настоящей катастрофой и ускорило крах империи. В отличие от предыдущих конфликтов, в этом туркам пришлось вести боевые действия сразу на нескольких отдаленных фронтах¹⁵. Значительно ослабленная поражениями в предыдущих войнах, османская армия понесла очень тяжелые потери и столкнулась с массовым дезертирством, которое не только подорвало моральный дух, но и посеяло хаос в сельской местности – сбежавшие солдаты превратились в бандитов и терроризировали местное население. Более того, поскольку бойцы набирались в основном из крестьян Малой Азии, отсутствие этой многочисленной рабочей силы на полях негативно сказалось на поставках продовольствия. Кроме того, перемещение армий способствовало распространению эпидемий, особенно холе-

¹⁵ Основные фронты против британцев были открыты в Восточной Анатолии (Кафкасия), Галлиполи, на Аравийском полуострове, в Синае и Палестине, а также в Ираке (включая Синай и Палестину, Ирак и Хиджаз на Аравийском полуострове британцев). Также происходили относительно незначительные сражения в Иране, Македонии и Галиции.

ры и тифа летом, что приводило к множеству смертей среди гражданского населения. Однако важнее всего то, что Первая мировая война дала лидерам партии возможность воплотить некоторые из самых радикальных идей, касающихся демографической политики. Еще до войны, ссылаясь на соображения безопасности, руководители подвергли чистке тысячи православных греков, проживавших на Эгейских островах Греции¹⁶. В 1915 году под предлогом войны и деятельности армянских националистов правительство отдало приказ о массовой депортации их анатолийских соплеменников¹⁷. Власти изгнали весь этот народ, за исключением тех, кто жил в Стамбуле, в пустынные районы на территории современных Сирии, Ливана, Палестины и Ирака, в результате чего численность армян сократилась по меньшей мере на 40 % – люди гибли от рук мародерствующих в песках банди-

¹⁶ Aktar A. Varlık Vergisi ve “Türkleştirme” Politikaları. İstanbul: İletişim Yayınları, 2000; Akçam T. Ermeni Meselesi Hallolmuştur: Osmanlı Belgelerine Göre Savaş Yıllarında Ermenilere Yönelik Politikalar. İstanbul: İletişim Yayınları, 2008.

¹⁷ Литература, посвященная депортациям и массовым убийствам, которым подверглись анатолийские армяне, обширна. О недавних исследованиях, основанных как на османских, так и на зарубежных источниках, см.: Akçam T. Ibid; Suny, Göç ek, Naimark. A Question of Genocide: Armenians and Turks at the End of the Ottoman Empire. New York: Oxford University Press, 2013. Kieser H. Iskanlanmış Barış: Doğu Vilayetlerinde Misyonerlik, Etnik Kimlik ve Devlet 1839–1938 / Trans. Atilla Dirim. İstanbul: İletişim, 2005; Akçam T. The Young Turks’ Crime against Humanity: The Armenian Genocide and Ethnic Cleansing in the Ottoman Empire. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2012.

тов, а также от переохлаждения, болезней и голода¹⁸. В целом население Османской империи сократилось на 2,5 %, чего нельзя сказать ни об одном другом участнике Первой мировой войны¹⁹.

После перемирия 1918 года Османская империя находилась под обширной оккупацией союзников и фактически утратила суверенитет. В сложившейся неразберихе Мустафе Кемалю Ататюрку, новому лидеру национально-освободительного движения (Кува-и Миллие), удалось создать временный союз различных групп населения, которые, несмотря на глубокие различия во взглядах и вере, выступили единым фронтом против захвата Анатолии. Тем временем, хотя руководство партии бесцеремонно свергли, рядовые члены остались на своих местах, и некоторые из них, в том числе секретные агенты из Тешкилят-и Махсуса, которые сыграли важную роль в проведении одной из самых жестоких политических операций во время Первой мировой войны, также присоединились к силам Мустафы Кемалю²⁰. Именно

¹⁸ *Zürcher. E. J. Op. cit. P. 139.* Хотя данные об общем числе погибших разнятся от 800 000 до 2,5 миллиона человек, большинство оценок последних лет сходятся на 1,5 миллиона. Для сравнения различных подсчетов см.: *Akçam T. Ibid. P. 253–264.*

¹⁹ Подробные исследования демографических изменений в Турции в период перехода от империи к республике см.: *Karpat K. Osmanlı Nüfusu 1830–1914. Demografik ve Sosyal Özellikleri, Istanbul: Tarih Vakfı Yurt Yayınları, 2003; McCarthy J. Muslims and Minorities: The Population of Ottoman Anatolia at the End of the Empire. New York: New York University Press, 1983.*

²⁰ Систематическое исследование союзов и преемственности между комитетом

в эту коалицию входили, помимо военно-бюрократических кадров, близких к предводителю, местные видные деятели, чьи организации имели более ограниченное географическое видение, религиозные лидеры, которые подчинялись исламскому султан-халифу, и бывшие сотрудники партии, сплотившие людей для ведения вооруженных действий против оккупации после Первой мировой войны. Самые известные сражения борьбы за независимость Турции произошли на Западном фронте и велись против греческой армии, которая, в частности, преследовала националистические цели по объединению Эгейского моря под греческим флагом. Однако на востоке и юго-востоке Турции также партизанские формирования оказывали ожесточенное сопротивление, чтобы эти регионы вышли из французской оккупации. В конечном счете, воспользовавшись уязвимостью греческой армии, усталостью союзников от войны и постреволюционным положением России, националисты одержали верх, вернув себе территорию, которая стала современной Турцией.

Затем Мустафа Кемаль и окружавший его военно-бюрократический состав решили, что для процветания в условиях мира после Первой мировой войны необходимо не возвращаться в Стамбул и восстанавливать старый имперский порядок, а превратить Турцию в современное национальное государство. В 1923 году правительство перенесло столицу в Анкару, которая во время войны была оперативной базой,

и провозгласило республику. Такое всестороннее преобразование сопровождалось разнообразными трудностями. Внутри страны происходили глубокие перемены, которые означали не только массовое внедрение новой формы правления с ее законами и институтами, но и отказ от османского наследия, которое формировало эту территорию и ее народ на протяжении более чем шести столетий²¹. Новая политика повлекла за собой категорический отказ – вместо восстановления – от и без того поврежденной сети этнических и религиозных общинных структур, которые на протяжении истории составляли социальное устройство империи. Плюралистическое общество, учитывающее различия в языковой, национальной и религиозной принадлежности и даже во множестве правовых статусов проживания и гражданства, никак не вписывалось в образ в головах новых лидеров. Они созда-

²¹ Концептуализация процессов капиталистической экспансии, предложенная экономистом Йозефом Шумпетером, нашла отклик у ученых, изучающих процессы модернизации и формирования национальных государств. Важные для моей интерпретации турецкого опыта ключевые работы, в которых большое внимание уделяется пространственному фактору: *Berman M. All That Is Solid Melts into Air: The Experience of Modernity*. London: Verso, 1983; *Harvey D. The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change*. Oxford: Blackwell, 1989. Переплетение созидательных и разрушительных сил в процессе формирования современного национального государства рассматривается в кн.: *Weber E. Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France 1870–1914*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1977. О наложении (а иногда и вытеснении) конкурирующих практик см.: *Garner A. A Shifting Shore: Locals, Outsiders, and the Transformation of a French Fishing Town, 1823–2000*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2005.

вали современную республику с моноэтническим составом населения, которое определяло себя как турецкое, не допускало остальные этнорелигиозные идентичности и подчинялось единым законам²². На международной арене требовалось добиться признания новой страны в качестве равной среди других национальных государств в то время, как великие державы (особенно победители Первой мировой войны), доминировавшие на дипломатической сцене, неохотно шли навстречу²³. Также отцы-основатели Турции считали,

²² Информацию о процессах принудительной гомогенизации, лежащей в основе формирования национальных государств, можно найти, в частности, здесь: *Gellner E. Nations and Nationalism*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1983; *Rae H. State Identities and the Homogenisation of Peoples*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. Больше особенностей опыта Турции, связанного с подавлением или уничтожением этнической и религиозной идентичности, см.: *Bruinessen M. van. Agha, Shaikh, and State: The Social and Political Structures of Kurdistan*. London: Zed Books, 1992; *Kasaba R. Izmir 1922: A Port City Unravels. Modernity and Culture: From the Mediterranean to the Indian Ocean / Ed. Fawaz, Bayly, Ilbert*. New York: Columbia University Press, 2002. P. 204–230; *Göle N. The Forbidden Modern: Civilization and Veiling, Critical Perspectives on Women and Gender*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1996; *Kasaba R. Op. cit.*; *Yeğen M, Devlet Söyleminde Kürt Sorunu*, 1. baskı. İstanbul: İletişim Yayınları, 1999; *Akçam T. Türk Ulusal Kimliği ve Ermeni Sorunu*. İstanbul: İletişim Yayınları, 1992; *Idem. Op. cit.*; *Mardin S. Religion and Social Change in Modern Turkey*. Albany: State University of New York Press, 1989; *Barkey K., Hagen M. V. After Empire: Multiethnic Societies and Nation-Building: The Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg Empires*. Boulder, CO: Westview Press, 1997.

²³ Подробнее в основополагающем исследовании Теды Скочпол о балансе между внутренним умиротворением и международным признанием при формировании современного государства, а также в недавней работе Хизер Рэй, в которой она обобщает внутренние и внешние факторы формирования государства.

что следовало придерживаться современных западных традиций, пусть и в ущерб собственным. Политические деятели прислушались к критике Османской империи и культуры со стороны востоковедов и стремились провести реформы, ориентированные на Запад, которые значительно повлияли бы на повседневную жизнь граждан. Наконец, в долгосрочной перспективе для обеспечения устойчивости нового порядка требовалось создать и поддерживать стандартную правовую, институциональную и материальную инфраструктуру, регулирующую отношения между народом и государством, тем самым поддерживая превращение общества в нацию²⁴.

Историческая выставка, открытая всего за год до окончания 15-летнего правления Мустафы Кемаля в качестве президента-основателя республики (словно венец насыщенного периода преобразований), обобщила официальную интерпретацию этих событий и извлеченные из них уроки и изме-

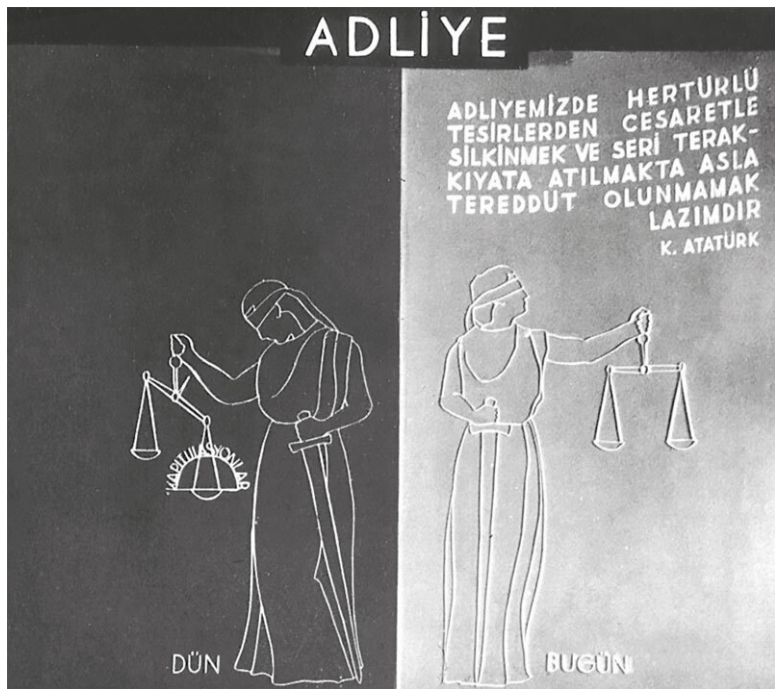
Skocpo T. States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China. Cambridge: Cambridge University Press, 1979; Rae H. Theories of State Formation. International Relations Theory for the Twenty-First Century / Ed. M. Griffiths. London: Routledge, 2007. P. 123–134.

²⁴ Критическая оценка инструментов и методов социальной инженерии, которые современные государства используют для воспитания лояльных граждан с общим набором знаний и навыков, см.: *Foucault M. Discipline and Punish: The Birth of the Prison. New York: Penguin, 1988; Idem. "Governmentality," in The Anthropology of the State: A Reader. London: Blackwell, 2006. P. 131–143; Balibar E., Wallerstein I. M. Race, Nation, Class: Ambiguous Identities. New York: Verso, 1991; Scott J. C. Seeing like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed. New Haven, CT: Yale University Press, 1998.*

нила положение Турции в прошлом по отношению к миру. Лидеры страны любили подобные мероприятия, которые демонстрировали, как они воспринимают себя и хотят, чтобы их воспринимали другие. Ранние республиканские выставки заимствовали избитые приемы модернизирующихся стран конца XIX – начала XX века и использовали убедительность физических объектов и изображений для просвещения широких слоев населения и привлечения их к добровольному участию в продвижении политики государства²⁵. Однако в то же время, если экспонаты рассматривались в контексте и как материальные артефакты, то также указывали на противоречия, присущие формулированию и распространению официальной истории образования, и трудности сдерживания аль-

²⁵ Существует обширная литература, посвященная использованию музеев в образовательных целях, часто с целью привить детям доминирующую идеологию. Подробнее о музеях, например, см.: *Bennet T. The Birth of the Museum: History, Theory, Politics. London: Routledge, 1995; Hooper-Greenhill E. Museums and the Shaping of Knowledge / Ed. A. Wheatcroft. The Heritage Care and Preservation Management. London: Routledge, 1992; Pearce S. Museums, Objects and Collections. Washington, DC: Smithsonian Institution Press, 1992. Пропаганда, оправдывавшая промышленный капитализм и колониальную экспансию, также способствовала проведению всемирных выставок (*Benedict B. The Anthropology of World's Fairs: San Francisco's Panama Pacific International Exposition of 1915. London: Scolar Press, 1983; Morton P. A. Hybrid Modernities: Architecture and Representation at the 1931 Colonial Exposition, Paris, illustrated ed. Cambridge, MA: MIT Press, 2000*). Создание или возрождение нации никогда не было второстепенной задачей для организаторов музеев и выставок (*Conekin B. The Autobiography of a Nation: The 1951 Festival of Britain. Manchester: Manchester University Press, 2003; Boswell D., Evans J. Representing the Nation: A Reader: Histories, Heritage and Museums, 1st ed. London: Routledge, 1999*).*

тернативных версий и фактических проблем, которые могли бы ее нарушить. В таком случае выставка отразила самые насущные заботы турецких лидеров, о которых говорилось выше: достижение и сохранение национальной интеграции, территориального суверенитета и признания в качестве равноправного участника в рамках особой международной системы государств того времени.

Картина, иллюстрирующая сравнение «до» и «после», из

республиканского раздела выставки, посвященного усовершенствованиям судебной системы. В первые годы существования новой формы правления этот визуальный прием противопоставления Османской империи республике подчеркивал превосходство последней и распространился всеми средствами массовой информации, контролируемые государством. *Любезно предоставлено библиотекой Турецкой исторической организации*

На мероприятии власти представили две уникальные и при этом взаимосвязанные стратегии, показывавшие, что современный проект строительства национального государства был неизбежен, и заранее разгромили противников, которые могли помешать их планам. Во-первых, республиканский раздел выставки, несмотря на то что он едва ли охватывал 14 лет, занял почти все пространство в центре и служил для сравнения, в результате которого неудачи Османской империи резко контрастировали с достижениями и видением режима Кемалю. Большие плакаты и стеклянные витрины, расположенные по обе стороны ниши в форме подковы, с гордостью демонстрировали различные области государственного вмешательства, успешно реализуемые республиканским правительством, включая правосудие, экономику, таможенную и пошлины, сельское хозяйство, промышленность, здравоохранение, искусство, образование, архитектуру и градостроительство. Некоторые из этих экспонатов со-

стояли из двух частей, что напоминало сравнение «до и после», которое часто встречается в рекламе. Другие предметы, изобилующие графиками и изображениями, с гордостью показывали растущее в стране промышленное производство, более современные образовательные учреждения, расширяющуюся железнодорожную сеть и улучшенное медицинское обслуживание – плоды работы нового режима. По иронии судьбы этот прием сопоставления, который кемалисты заимствовали из докладов востоковедов, трансформировали и переосмыслили, теперь стал повсеместным повествовательным приемом для подтверждения их видения и политики как беспрецедентных, но необходимых мер, направленных на продвижение Турции и избавление от прошлых ошибок, которые мешали ее прогрессу²⁶. Более того, лидеры удачно замалчивали реформы, проводившиеся в Османской империи на протяжении более чем ста лет, которые фактически заложили основу для многих изменений, осуществленных при установлении республики, тем самым приписывая все заслуги в ускоренной модернизации страны новому руководству.

²⁶ Острую критику противоречий и несоответствий, связанных с использованием этого двойственного тропа, впервые описанного во влиятельной работе Эдварда Саида (*Said E. Orientalism. New York: Vintage Books, 1978*) незападными представителями интеллигенции и политическими лидерами для продвижения своих программ по модернизации, см.: *Chatterjee P. Nationalist Thought and the Colonial World: A Derivative Discourse. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1993*); *Yeğenoğlu M. Colonial Fantasies: Towards a Feminist Critique of Orientalism. Cambridge: Cambridge University Press, 1998*.

Во-вторых, хотя казалось, что выставка охватывала все сферы жизни, на самом деле на ней были тщательно подобраны представленные культуры и связи, а также их порядок. Экспозиции включали в себя несколько древних цивилизаций более широкого региона, таких как Шумерское государство, Египет и классическая Греция, а также некоторые культуры, которые довольно трудно отнести к наследию современной Турции. При этом исключались другие современные местные народы, например анатолийские греки, армяне, арабы и курды, которые населяли Малую Азию в составе империи. Выставка стремилась подтвердить претензии на неоспоримое место в генеалогии современной европейской истории, поэтому указывала на присутствие «турецкой расы» в Анатолии в период неолита и доказывала, что население страны, как и европейские народы, восходило корнями к древним цивилизациям региона – хотя и через точно так же выдуманные процессы культурного присвоения²⁷. Особенно

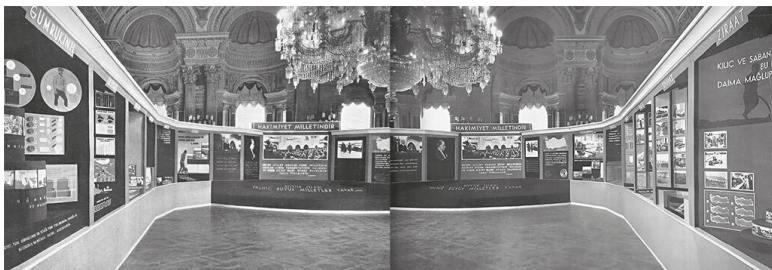
²⁷ Выборочное использование идеализированного классического наследия в европейской истории культуры – в том числе в искусстве, архитектуре, философии и историографии – стало довольно распространенным явлением в XIX веке. Книга «Изобретение традиций» (*The Invention of Tradition*) с выдающимся предисловием Эрика Хобсбаума оказала особое влияние на развитие критической дискуссии о таких искусственно созданных историях и наследии, которые часто служат едва завуалированным политическим целям (*Hobsbawm E., Ranger T. The Invention of Tradition*). Несмотря на вызванный исследованием «Черная Афина» (*Black Athena*) резонанс, оно сыграло важную роль в переосмыслении выборочного заимствования элементов классической культуры, воссозданных в отрыве от более широкого исторического контекста. *Bernal M. Black Athena: The Afroasiatic Roots of Classical Civilization*. New Brunswick, NJ: Rutgers University

показательным примером служило использование недавно раскопанной хеттской статуи солнечного диска в качестве символа Второго Континентального конгресса, который сопровождался выставкой. Памятник подталкивал к мысли об общей и непрерывной линии родства между хеттами, анатолийской цивилизацией, существовавшей более трех тысячелетий назад, и современными турками. Хотя все знали, что другие этнические группы появились в древности, этот факт предпочитали замалчивать. Подразумевалось, что раз турецкий народ возник раньше других, то, вне всякого сомнения, имел исключительные права на эту неделимую территорию.

Press, 1987. См. недавние работы, посвященные включению классической культуры в повестку государства: *Lasansky D.* Op. cit.; *Zacharia K.* Hellenisms: Culture, Identity, and Ethnicity from Antiquity to Modernity. Hampshire: Ashgate Publishing, 2008; *Bilsel C.* Antiquity on Display: Regimes of the Authentic in Berlin's Pergamon Museum. Oxford: Oxford University Press, 2012.

Фрагмент выступления Хасана Джемиля Чамбеля на конференции. За его спиной – хеттское солнце, которое здесь было впервые использовано в качестве символа. Эта практика по-прежнему широко распространена среди различных государственных и частных организаций. *Любезно представлено библиотекой Турецкой исторической организации*

На развороте из правительственного многоязычного пропагандистского издания *La Turquie Kamaliste*²⁸ изображен центральный раздел выставки в церемониальном зале дворца Долмабахче. Стоит обратить внимание на большую люстру, подарок королевы Виктории, и на тщательно продуманные детали османского интерьера середины XIX века, на фоне которых выставка выглядит бледно. *Любезно предоставлено библиотекой Турецкой исторической организации*

Несмотря на тщательно продуманный сценарий, выставка также продемонстрировала противоречивость нового режима и его лидеров, как и их неспособность отказываться от прошлого. Как наиболее иронично иллюстрирует выбранное для проведения выставки место – дворец Долмабахче, а не, например, современное республиканское здание в Анкаре, – кемалисты не придерживались последовательных взглядов в историографической избирательности и поляризации, которую стремились усилить. Роскошно укра-

²⁸ Камалистическая Турция (фр.).

шенный церемониальный зал дворца с куполообразным потолком высотой 36 метров и хрустальной люстрой весом в 4,5 тонны – подарком королевы Виктории, – парящей прямо в центре секции, посвященной республике, впечатлял куда больше, чем все экспонаты, выставленные на всеобщее обозрение, и угрожал опровергнуть любые утверждения о предполагаемом превосходстве достижений сторонников республики над неудачами распавшейся державы. Такой выбор не привлек бы столько внимания, если бы новые лидеры не оклеветали Стамбул и не отрекались от наследия империи так ярко. Но как последняя резиденция султанов, спроектированная и построенная в середине XIX века Карапетом и Нигогосом Бальянами из армянской династии имперских архитекторов, Долмабахче воплощал в себе суть османского прошлого Турции. И в то же время дворец олицетворял нехарактерное стране жеманство, плюралистическую конституцию и расточительность, за которые новые политические деятели осуждали предшественников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.